

Лл. 228 об.—237 об.: *Слов(о) вѣ* о съставленьи блуда. Іакоже блюдушеса зрѣти на жены и совокуплатис(а) ними...

Лл. 237 об.—246: О прилюбодѣстви (!) *слов(о) гѣ* и Іако не без вѣды єсть разлучитис(а) мужу *от* подружѣе своего кромѣ словеси блуднаго...

Лл. 246—251 об.: *Слов(о) дѣ* о клатвѣ и о различныхъ лжахъ Іако и клатвѣ преступлений и лжа по праведному слову бываєтъ вегда поставити памъ клатву или истину разлучаємса *от* б(о)га.

С 15-го слова по 33-е эта редакция по рук. Син. 217 подробно описана Горским и Невоструевым. В нашей рукописи имеются еще 2 слова.

Лл. 373—379: *Слов(о) лд* о неслажаньи Іако єже *оттѣргати* к повелѣнью б(ож)ию нѣс(ть) возношеные неподобно нъ тшаные о г(о)с(под)и...

Лл. 379 об. до конца за исключением лл. 383—390 об., которые, как уже было упомянуто, стоят не на месте: *Слов(о) лѣ* Іако не подобаєтъ оучителю любити имѣныя нъ Іако ж ту не приимт д(у)х(о)вную бл(а)г(о)-д(а)ть.

Итак, входящие в нашу рукопись произведения представлены в ранних переводах и редакциях, которые для конца XIV в. уже являлись редкостью. Скитский поглавной патерик, сохраняя некоторые черты старинного болгарского перевода, обнаруживает и особенности древнего русского извода. Текст «Пандектов» Никона имеет большое сходство с аналогичным текстом по Ярославскому списку конца XII в. Следовательно, оригиналу, с которого переписывался кодекс, были присущи многие древние черты. Кроме того, он был безусловно русским и включал и оба памятника.

Все переписчики относятся довольно небрежно к правописанию. Преобладает упорядоченное написание *є; ѡ; оу* в начале слога и *е, ѡ, у* — в середине, но с частыми отклонениями. *Ъ* и *ь* пишутся и проясняются крайне непоследовательно, по-видимому, и под влиянием древних форм оригинала.²¹

Для орфографии памятника характерно еще и наличие особенностей новгородского диалекта: у первого писца мена *ч* с *ц* и *и* — *ѣ* встречается регулярно, у остальных — редко, например: *ѡ(т)це* (лл. 11 об., 33 об. и пр.); *цѣсти* вм. *чести* (л. 14 об.), *плащ* вм. *плачь* (л. 10 об.); *молци*, *молцание* (лл. 6, 15), *стекланичу* (л. 17 об.); *темничѣ* (л. 7); *златичи* (л. 30); *оконьча* вм. *оконьца* (л. 58 об.) и т. д. Мена *ѣ* — *и*: *Антонѣи* (л. 16 об.), *види* вм. *видѣ* (лл. 10 об., 12, 13 об., 20, 23 и т. д.), *въста видити* вм. *видѣти* (л. 27); *болши всихъ* вм. *всѣхъ* (л. 16 об.); *гл(аголах)у старцѣ* вм. *старци* (л. 24) и т. д.

Нужно отметить также, что переписчики плохо понимали язык своего оригинала, часто ошибались, искажали смысл и писали неправильно много слов и имен.

Из всего сказанного можно заключить, что рукопись писалась на Новгородской земле, причем в монастыре, где не было развитых письменных традиций. Об этом говорит невысокая грамотность писцов, невыработанные почерки, небрежная нумерация тетрадей и, наконец, плохое оформление всей рукописи.

²¹ В лингвистическом отношении описываемая рукопись представляет собой благодарный материал для специалистов. Отмечу, например, сохранение и даже прояснение *ѣ* и *ь* в слабом положении: «*єгда*» (л. 77); «*крѣпко*» (л. 110); «*оумьрс*» (л. 101 об.); «*въхъма*» (л. 54 об.); «*женескъ полъ*» (л. 21); а также в случаях, как: «*сѣвѣто съ*» (л. 91); «*во истину страхо съ*» (л. 77); «*родо съ*» (л. 121) и т. п. Большой интерес представляет также и ее древний лексический материал.